

УДК 94(3): 008 «19/20»

Образ Юлия Цезаря в поэзии Валерия Брюсова

Деревянченко Виталий Сергеевич

В статье рассматривается проблема формирования и репрезентации образа Юлия Цезаря в поэтическом наследии Валерия Брюсова. Автор приходит к выводу, что для конструирования данного образа определяющее значение имели не столько свидетельства античных авторов, сколько взгляды на личность Цезаря, бытовавшие в антиковедении сер. XIX – нач. XX вв.

Ключевые слова: рецепция античности, Цезарь, Брюсов, поэзия

Деревянченко Віталій. **Образ Юлія Цезаря в поезії Валерія Брюсова.** У статті розглядається проблема формування і репрезентації образу Юлія Цезаря в поетичній спадщині Валерія Брюсова. Автор приходить до висновку, що для конструювання даного образу вирішальне значення мали не стільки свідчення античних авторів, скільки погляди на особистість Цезаря, що існували в антикознавстві сер. XIX – поч. XX ст.

Ключові слова: рецепція античності, Цезар, Брюсов, поезія

Derevyanchenko Vitaliy. **The Image of Julius Caesar in the Poetry of Valery Bryusov.** The article is devoted to consideration of the problem of formation and representation of Julius Caesar's image in the poetic heritage of Valery Bryusov. The author concluded that for the construction of this image the views on the Caesar's identity in the mid 19th – early 20th centuries are more important, than ancient authors' data.

Key words: reception of antiquity, Caesar, Bryusov, poetry

На протяжении многих столетий Юлий Цезарь остается в числе тех исторических деятелей античной эпохи, чья жизнедеятельность неизменно находит отображение в художественной культуре. Многочисленные обращения к образу Юлия Цезаря, особенно в литературных произведениях, привели к образованию целого спектра коннотаций, всестороннее рассмотрение которых невозможно без исследований в области рецепции античного наследия. Особый интерес в этом отношении представляют стихотворения Валерия Брюсова «Юлий Цезарь» (1905 г.) [9] и «Цезарь Клеопатре» (1920 г.) [8], в которых конструкция образа великого римского полководца во

© Деревянченко В., 2016

многим основывается на материалах античной нарративной традиции и популярных антиковедческих концепций сер. XIX – нач. XX вв. Между тем, обращение одного из крупнейших поэтов Серебряного века к фигуре Юлия Цезаря до сих пор не привлекало внимания историков, а в трудах филологов (М. Л. Гаспаров [11], Д. Е. Максимов [14], Е. Палий [16], С. А. Хангулян [24]) оно рассматривалось в ракурсе эстетики и анализа поэтических тропов. В данной же работе предпринимается попытка исследовать основные семантические особенности образа Юлия Цезаря в поэзии Валерия Брюсова.

Самые ранние попытки написания тематического стихотворения с использованием фигуры Цезаря относятся уже к 1892 г., когда В. Брюсов еще обучается в классической гимназии Л. И. Поливанова. В своем дневнике Брюсов-гимназист оставляет следующую запись: «Целый день дома (праздник), только в библиотеке. Писал латинское стихотворение и «Цезаря»» [3, с. 4]. Как следует из записи, помимо работы над «Цезарем» поэт параллельно занимается написанием стихотворения на латыни, что подчеркивает степень его вовлеченности в римскую тематику. Закончив «Цезаря», В. Брюсов впоследствии вновь переписывает его, однако в конечном счете стихотворение, видимо, не устраивает автора, и он не включает его в свои первые публикации. Причина этого в специфическом отношении В. Брюсова к работе над художественными произведениями, в основу которых положен исторический сюжет. Поэт не перестает размышлять над верностью своего подхода к изображению истории. Работая в этот же период над пьесой «Помпей», он отмечает: «Страшно трудно писать “Помпея”». Сначала надо добиться, чтобы я владел этой картиной, а не деятели того времени владели мной» [3, с. 7]. Это очень важный принцип для В. Брюсова, следовать которому он пытался уже с гимназистских лет.

Таким образом, к конструированию образа Цезаря в поэтическом произведении поэт вернулся только спустя тринадцать лет – и в 1905 г. стихотворение «Юлий Цезарь» появилось в его пятом сборнике «Sterhanos» [9, с. 427]. В этой книге имеются определенные разделы, по которым распределены стихотворения. Весьма примечательно, что «Юлий Цезарь» включен в раздел «Современность», а не в раздел «Правда вечная кумиров», где объединены практически все «античные» стихотворения сборника. В «Современности», в свою очередь, была собрана поэзия, посвященная событиям русско-японской войны и началу Первой русской революции («Sterhanos» был опубликован в конце 1905 г.). Однако этот раздел В. Брюсов озаглавил эпиграфом из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон», в котором описано положение

оратора в трудные времена «гражданских бурь». Таким образом, В. Брюсов обозначил идеальную линию всего раздела «Современность» и, что не менее важно, изначально связал ее аналогией с античностью, а именно – с Римом времен гражданских войн и политических потрясений.

Безусловно, подобная форма отчасти продиктована цензурой и невозможностью публикации прямой критики власти Российской империи, хотя она и облачена в поэтическое произведение. В то же время следует отметить, что В. Брюсов для обхода цензуры вполне мог использовать какой-либо средневековый сюжет, к которым он нередко обращался, однако поэт выбирает «римский» вариант. Д. Е. Максимов не случайно отмечает: «Мысль о Российской империи как об огромном государственном организме, как о могучей силе, о “третьем Риме” заслоняла в сознании Брюсова лермонтовско-некрасовский образ народной России...» [14, с. 167].

По мнению исследователя, именно в стихотворении «Юлий Цезарь» был впервые отображен тот сдвиг, который произошел в политических взглядах В. Брюсова после череды поражений в русско-японской войне [14, с. 169]. Поэт использует древнеримскую историю для выражения своей позиции – как универсальный инструмент и точку отсчета в оценках современности. Однако нашей первостепенной задачей является рассмотрение «античной» составляющей стихотворения, в частности – образа Юлия Цезаря. Итак, каков же брюсовский портрет известного римского полководца?

Прежде всего необходимо отметить, что в «Юлии Цезаре» весь текст есть ничто иное, как монолог Цезаря, оправдывающего собственные действия и обвиняющего консулов и сенат во всех бедах государства. Как и другие художественные произведения поэта на античную тематику, стихотворение «Юлий Цезарь» наполняют реминисценции, создающее интертекстуальную связь между произведением и трудами древних авторов. Несмотря на то, что канонический образ Юлия Цезаря в основном сконструирован в биографиях, созданных Светонием [20] и Плутархом [18], В. Брюсов опирается и на других античных историков. В стихотворении «Юлий Цезарь» поэт оперирует свидетельствами, которые в существенной степени представлены в труде Аппиана «Гражданские войны» [1]. Брюсов пишет от лица Цезаря: «Вы мне твердите о народе, / Зовете охранять покой, / Когда при вас Милон и Клодий / На площадях вступают в бой!» [9, с. 427]. Милон и Клодий – народные трибуны и политические противники, каждый из которых стоял во главе собственного вооруженного отряда [21, с. 273, 355]. В результате их борьбы Клодий был убит сторонниками Милона, что и описывается

Аппианом: «...раб Милона бросился на Клодия и ударил его кинжалом в спину. <...> Конох перенес истекающего кровью Клодия в ближайшую гостиницу. Милон явился туда с рабами и прикончил умирающего, или Клодий, быть может, был уже мертв» [App. В.С., II, 21, пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева]. У Плутарха же и Светония детальные упоминания этого столкновения отсутствуют. Также необходимо подчеркнуть и то, что убийство это произошло в 52 г. до н. э., в то время как Цезарь перешел Рубикон тремя годами позже [23, с. 49], поэтому упоминание в стихотворении Милона и Клодия в монологе полководца не нарушает хронологической последовательности исторических событий.

То же самое можно сказать и о строфе, в которой говорится о поражениях римской армии: «Хотя б прикрыли гроб законов / Вы лаврами далеких стран! / Но что же! Римских легионов / Значки – во храмах у парфян!» [9, с. 427]. Здесь В. Брюсов имеет ввиду битву при Каррах (53 г. до н. э.), в результате которой римляне потерпели поражение от парфян, а М. Лициний Красс попал в плен и был убит. И В. Брюсов не случайно пишет об этом. В филологических исследованиях, в первую очередь, принято считать, что парфяне в стихотворении «Юлий Цезарь» символизируют японцев, одержавших победу над русской армией [14, с. 169]. Однако же упоминание парфян в тексте В. Брюсова продиктовано не только необходимостью создания подобной аналогии. Более того – оно уместно в стихотворении и без ее учета, так как античные авторы отдавали поражению римлян при Каррах важное значение. К примеру, Плутарх считал смерть Красса одной из причин начала гражданской войны: «Вскоре пришло известие о гибели Красса в войне с парфянами. Его гибель устранила еще одно важное препятствие для возникновения гражданской войны. Действительно, из страха перед Крассом оба соперника так или иначе держались по отношению друг к другу в пределах законности» [Plut. Rompr., 53, пер. с греч. Г. А. Стратановского]. Писатель акцентировал на этом внимание и в биографии Цезаря [Plut. Caes., 28]. Заинтересованность В. Брюсова столкновением римлян с парфянами и гибелью Красса подтверждается и тем, что спустя 11 лет (в 1916 г.) поэт-историк вернулся к этой теме в стихотворении «Победа при Каррах» [4, с. 245-246], в котором он рассуждал об исходе битвы.

Таким образом, «появление» парфян в стихотворении «Юлий Цезарь» продиктовано не только замыслом создать аналогию с Японией, оно вполне вписывается во внутренний, античный сюжет стихотворения. Отталкиваясь от античной традиции В. Брюсов и в других частях произведения. В уста Цезаря поэт вкладывает следующие слова: «Вы мне кричите, что не смею / С сенатской волей спорить я, / Вы, Рим

предавшие Помпею / Во власть секиры и копья!» [9, с. 427]. В ключевой фразе этого отрывка именно сенаторы обвиняются в предательстве Рима, в том, что отдали государство Гн. Помпею. В определенной степени, это перекликается со свидетельствами Аппиана: «Сенат собирался со страхом и взирал на Помпея как на будущего диктатора. Сенаторы полагали, что положение дел требует диктатуры. По совету Катона, они выбрали Помпея консулом без товарища по должности. <...> Помпей первый из консулов имел в своих руках две большие провинции, войско, средства и самодержавную власть в государстве, будучи единственным консулом» [App. В.С., II, 21, пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева].

В отсылках к событиям римской истории В. Брюсов стремился не противоречить античной нарративной традиции и, в незначительной степени, опирался на нее. Соответственно, и его образ Цезаря во многом проистекает из представлений, сформированных еще в античную эпоху. Среди большинства современных ему поэтов В. Брюсова выгодно выделяло фундаментальное образование, полученное на историко-филологическом факультете Московского университета. Владея латинью и древнегреческим, поэт имел возможность работать с трудами античных писателей на языке оригинала, поэтому основную информацию о Цезаре он черпал главным образом из сочинений Светония, Плутарха и Аппиана. Однако следует отметить, что античная традиция подходит к оценке личности Цезаря и его деятельности значительно сдержаннее и, видимо, реалистичнее, чем В. Брюсов – современники и ближайшие потомки Цезаря характеризуют его, прежде всего, как великого полководца, а не выдающегося государственного деятеля или реформатора. Создается впечатление, что на формирование представлений В. Брюсова о Цезаре куда более значительное влияние оказало антиковедение сер. XIX – нач. XX вв., для которого был характерен апологетический подход к оценкам Цезаря. В первую очередь, это присуще трудам Т. Моммзена [15, с. 379-385], оказавшим существенное влияние на русскую науку и, в частности, на взгляды университетского преподавателя В. Брюсова – В. И. Герье [12, с. 558-562]. В дневниковых записях поэта даже имеются воспоминания о трудностях подготовки к экзамену у В. И. Герье [3, с. 82]. Все это позволяет предположить, что идеи Т. Моммзена были во многом восприняты В. Брюсовым еще в университетские годы. Кроме того, Т. Моммзен был учителем Вячеслава Иванова – поэта-символиста, историка и друга В. Брюсова, что также оказало некоторое влияние уже в послеуниверситетские годы.

Впоследствии В. Брюсов ссылается на Т. Моммзена в таких значительных для своей преподавательской деятельности историко-

литературных очерках, как «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» [6, с. 203] и «Учители учителей: древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение» [6, с. 410], а также в примечаниях к роману «Алтарь Победы» [5, с. 548, 561, 570, 584, 596, 615, 640]. Как верно замечает С. Л. Утченко, «Цезарь для Моммзена – беспримерный творческий гений. Он великий полководец, оратор, писатель... <...> Его цель – восстановление древней царской власти; одновременно он сумел сохранить верность своим юношеским идеалам демократии... <...> Он – идеальный монарх» [22, с. 28]. Именно идеи Т. Моммзена порождают у В. Брюсова тот образ Юлия Цезаря, который он конструирует в своем стихотворении 1905 г. Для него Цезарь – яркий образец для подражания и поэт ассоциирует полководца с собой в большей степени, нежели других античных личностей. Это проиллюстрировано тем, что текст стихотворений о Цезаре выстроен от первого лица: «Довольно споров. Брошен жребий. / Плыви, мой конь, чрез Рубикон!» [9, с. 427]. Это и послужило, на наш взгляд, первоначальной причиной включения автором стихотворения в раздел «Современность» книги «Stephanos». Филологи акцентируют внимание на том, что «Юлий Цезарь» был написан таким образом, чтобы изобразить современность сквозь «туман истории» [10, с. 94]. Действительно, именно так может и показаться на первый взгляд. Однако, спустя более чем столетие после русско-японской войны, политические аналогии с Российской империей в стихотворении «Юлий Цезарь» не только практически не воспринимаются читателем [26, р. 74], но и выглядят весьма условными. Таким образом, «современный» контекст абсолютно утратил свою актуальность, и на первый план вышел «туман истории», то есть античная составляющая произведения. На наш взгляд, причина этого кроется в том, что В. Брюсов при работе над стихотворением «Юлий Цезарь», в конечном счете, все-таки пренебрегает именно современностью, подстраивая ее под античность, а не наоборот. Очевидно, что для художественного отображения ситуации, сложившейся в Российской империи в результате русско-японской войны и революции 1905 г., гражданские войны в Римской республике являются далеко не самой лучшей «площадкой». Пытаясь соединить воедино страсть к истории Древнего Рима и заинтересованность общественно-политическими потрясениями в государстве, В. Брюсов, в определенной степени, вписывает современность в античный сюжет.

В стихотворении «Цезарь Клеопатре» (1920 г.) [8, с. 77-78] наблюдается совершенно иная картина. На первый взгляд, произведение кажется наполненным античностью настолько, насколько это возможно, однако здесь она уходит на второй план. Поэт, в первую очередь, воспевает

любовные, страстные чувства лирического героя, на фоне которых античный исторический сюжет является лишь декорацией, выполняющей скорее эстетическую функцию: «Мысли – четки. Выслушай, царица! / Ропот мой безумьем назови. / Пусть в тебе таит свой бред блудница, / Цезарь тож не новичок в любви» [8, с. 77]. В Брюсов достаточной волюно обращается с античным материалом – смешивает мифологию и историю, а героев стихотворения сравнивает с кометами, которым «дано в пример векам алеть». В отличие от прошлого стихотворения, в «Цезарь Клеопатре» поэт (также выстраивая текст от первого лица) подчеркивает именно трагичность образа Цезаря: «Чтоб к клинку мне подготовил грудь!» [8, с. 78]. Кроме того, в указанных выше примерах обнаруживается телеологический подход в интерпретации исторического сюжета, отсутствовавший в стихотворении «Юлий Цезарь». В остальном В. Брюсов скорее стремится продолжить лирическую линию, заложенную в 1905 г. в стихотворении «Антоний» [2, с. 392-393], которое стало одним из самых известных и удачных его произведений [26, р. 66]. Так же как и «Юлий Цезарь», это стихотворение было опубликовано в сборнике «Sferhapos», однако уже в разделе «Правда вечная кумиров». Но если в стихотворениях «Юлий Цезарь» и «Антоний» поэт отталкивается от конкретных свидетельств античных авторов, то в «Цезарь Клеопатре» подобного рода «переключки» уже отсутствуют.

В целом же, в брюсовской трактовке личности Юлия Цезаря прослеживается некая связь с образом Александра Великого – апологетический взгляд, героизация и романтизация личности, возведение в образец для подражания. Это объясняется тем, что на формирование данного образа существенное влияние оказали не столько античная нарративная традиция, сколько взгляды на личность Цезаря, бытовавшие в антиковедении сер. XIX – нач. XX вв.

Литература

1. *Аппиан. Гражданские войны* / Аппиан / Пер. под ред. С. А. Жебелева. – Л., 1935.
2. *Брюсов, В. Антоний* // *Собрание сочинений*: в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М., 1973. – Т. 1. – С. 392-393.
3. *Брюсов, В. Дневники 1891 – 1910* / В. Я. Брюсов. – М., 1927.
4. *Брюсов, В. Победа при Каррах* // *Собрание сочинений*: в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М., 1974. – Т. 2. – С. 245-246.
5. *Брюсов, В. Примечания к роману «Алтарь Победы»* // *Собрание сочинений*: в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М., 1975. – Т. 5. – С. 557-647.

6. *Брюсов, В. Статьи об армянской культуре* // *Собрание сочинений*: в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М., 1975. – Т. 7. – С. 199-273.
7. *Брюсов, В. Учители учителей* // *Собрание сочинений*: в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М., 1975. – Т. 7. – С. 277-437.
8. *Брюсов, В. Цезарь Клеопатре* // *Собрание сочинений*: в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М., 1974. – Т. 3. – С. 77-78.
9. *Брюсов, В. Юлий Цезарь* // *Собрание сочинений*: в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М., 1973. – Т. 1. – С. 427.
10. *Бурлаков, Н. Валерий Брюсов. Очерк творчества* / Н. С. Бурлаков. – М., 1976.
11. *Гаспаров, М. Брюсов и античность* / М. Л. Гаспаров // Брюсов В. Я. *Собрание сочинений*: в 7 т. – Т. 5. – М., 1975. – С. 543-555.
12. *Герье, В. Август и становление Римской империи* / В. И. Герье // *Вестник Европы*. – 1877. – № 8. – С. 512-570.
13. *Клябе, Г. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России* / Г. С. Клябе. – М., 2000.
14. *Максимов, Д. Брюсов. Поэзия и позиция* / Д. Е. Максимов. – Л., 1969.
15. *Моммзен, Т. История Рима. От смерти Суллы до битвы при Тапсе* / Т. Моммзен / Пер. под ред. Н. А. Машкина. – М., 1941. – Т. 3.
16. *Палий, Е. Исторические и мифологические образы в лирике В. Брюсова* / Е. Палий // *Филологічні науки*. – 2013. – № 2. – С. 79-87.
17. *Плутарх. Помпей* / Плутарх / Пер. Г. А. Страгановского. – М., 1994. – Т. 2. – С. 62-116.
18. *Плутарх. Цезарь* / Плутарх / Пер. Г. А. Страгановского. – М., 1994. – Т. 2. – С. 164-203.
19. *Репина, Л. Образы в памяти и истории* / Л. П. Репина // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени*. – М., 2003. – С. 9-18.
20. *Светоний, Гай Транквили. Божественный Юлий* / Гай Светоний Транквили / Пер. М. Л. Гаспарова. – М., 1990. – С. 8-38.
21. *Словарь античности* / Пер. с нем. – М., 1989.
22. *Утченко, С. Юлий Цезарь* / С. Л. Утченко. – М., 1976.
23. *Федорова Е. Императорский Рим в лицах* / Е. В. Федорова. – Смоленск, 1995.
24. *Хангулян, С. Античность в книге стихов В. Брюсова «Sferhapos»* / С. А. Хангулян // *Валерий Брюсов: Исследования и материалы: сборник научных трудов*. – Ставрополь, 1986. – С. 43-61.
25. *Чиглицев, Е. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XX вв.* / Е. А. Чиглицев. – Казань, 2009.
26. *Frajlich, A. The Legacy of Ancient Rome in the Russian Silver Age* / A. Frajlich. – Amsterdam, N.Y., 2007.